

О.М. СОКОЛОВА

ДЕТЕРМИНАНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОММЕМОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА

Ольга Михайловна Соколова,

Белорусский государственный университет
культуры и искусств,
кафедра культурологии,
доцент,
отдел редакционно-издательской
и полиграфической работы,
начальник
Рабкоровская ул., д. 17,
Минск, 220007, Республика Беларусь

кандидат культурологии
ORCID 0000-0002-5213-8410; SPIN 8654-1452
E-mail: beatles12@mail.ru

Реферат. В статье на основе историко-генетического и компаративного методов исследования раскрываются детерминанты становления и развития коммеморативной культуры города. Актуальность проблематики обусловлена возрастающим влиянием памяти о прошлом на современные социокультурные процессы. Научная новизна заключается в исследовании малоизученных вопросов воздействия коммеморативной культуры на развитие культуры в целом; возможностей регулирования характера и распространения мемориальных форм; факторов, детерминирующих формирование коммеморативной культуры города в контексте исторической и социокультурной динамики в соответствующих обществах цивилизаций прошлого и современности. Комплексный под-

ход обусловил междисциплинарность научного поиска, позволив проанализировать аспекты возникновения, интерпретации особенностей истории и бытования памятников в различных культурах. Приводятся примеры практик коммеморации в странах постсоветского пространства, в том числе в Республике Беларусь. Делается вывод о том, что содержание коммеморативной культуры определяется прежде всего религиозными традициями и государственными приоритетами. Создание памятников и мемориальных мест используется как агитационный и манипулятивный ресурс, оказывающий эмоциональное воздействие; как идеологическое средство, формирующее восприятие истории в соответствии с государственной идеологией. Особое значение коммеморативные практики приобретают в период формирования наций, влияя на идентификацию субъекта с нацией, на осознание национальной монолитности. В этом случае памятник представляет собой универсальную форму воплощения и трансляции национальной идеи.

Ключевые слова: коммеморация, коммеморативная культура, памятник, мемориал, монументальная форма, погребальный культ, традиции увековечивания, детерминанты коммеморации, постсоветское пространство, Беларусь, теория и история культуры, культурология.

Для цитирования: Соколова О.М. Детерминанты становления и развития коммемо-

ративной культуры города // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 2. С. 127–139. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-2-127-139.

Формирование коммеморативной культуры — это сложный многогранный процесс, обусловленный культурно-историческими, ценностно-мировоззренческими, духовно-нравственными, психолого-гносеологическими, политико-идеологическими и социально-нормативными детерминантами, которые традиционно понимаются как конкретные факторы, порождающие то или иное явление. Среди факторов, оказавших влияние на становление и развитие культуры коммеморации, — стремление к бессмертию, вера в загробную жизнь, создание культа предков, культа личности, сохранение и передача опыта прошлого, закрепление социальных связей, религиозные традиции, сакрализация, глорификация, этническая самоидентификация, национальная идентичность, индоктринация, эстетизация пространства.

Социокультурные детерминанты определяют выбор и характер распространения монументальных форм, оказывая влияние на традиции увековечивания в разные исторические периоды.

ФОРМЫ КОММЕМОРАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ДРЕВНОСТИ И ИХ ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Черты перехода к обществу с фиксированной традицией сохранения и передачи опыта прошлого обнаруживаются, предположительно, в одном из древнейших городов мира — Эриду [1, с. 192], согласно шумерской мифологии, самом первом городе на земле, от создания которого шумеры отсчитывали начало своей истории и культуры.

Идея вечной славы закрепляется в культуре Древней Месопотамии: *мечта о бессмертии* — стержневая идея одной из самых ранних древ-

невосточных эпических поэм о герое-человеке «Эпос о Гильгамеше» (XVIII—XVII вв. до н. э.) [2]. В ней проводится суждение, что преодолеть смерть можно в борьбе со злом посредством мудрой, нравственной, осмысленной жизни, которая вознаграждается благодарной памятью потомков.

Вера в загробную вечную жизнь в Древнем Египте порождает такую форму коммеморации, как пирамиды. Присущая фараонам мегаломания, рассчитанная на эмоциональное воздействие [3, с. 125], проявляется также в возведении покрытых иероглифами обелисков (прославляющих бога Ра и фараонов) и гигантских статуй, свидетельствуя о том, какое огромное значение в египетской культуре придавалось памяти. Эти сооружения, символы бессмертия, «призваны были увековечить память о правителе в сознании подданных, создавая очаги посмертных культов, которые превращали усопшего владыку в бессмертное божество» [4, с. 91].

Форма обелиска получила широкое распространение в последующие эпохи. Римские императоры перевозили египетские обелиски в Рим и Константинополь; возводили собственные (например, 32-метровый византийский обелиск Константина в Константинополе). В эпоху Ренессанса в Италии их устанавливали в качестве композиционного акцента в ансамблях площадей. В XIX в., следуя этой традиции, были вывезены из Египта три обелиска и установлены в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. В форме обелиска выполнены многие монументы XIX—XX вв., посвященные в большинстве своем военным победам.

Одним из самых грандиозных обелисков является монумент Дж. Вашингтону (Нью-Йорк, 1884) высотой 169 метров.

Воплощение метафоры посредством мемориального жанра — сильнодействующее средство психологического воздействия, манипуляции сознанием, является основанием традиции мемориалов. Возведение погребальных сооружений в виде курганов, гробниц, тумулусов, мавзолеев запускает определенные образные ассоциации.

Для многих культур (Египта, Малой Азии, Этрурии) характерным является создание некрополей, предназначавшихся для правите-

лей, жрецов и знатных людей города. Среди них подземные усыпальницы (например, в Гонур-Депе — главном городе Маргианской цивилизации, конец III — II тыс. до н. э.), которые выглядели как дома с обеденными столами, хранилищами для посуды, одежды и украшений [5, с. 22–34], и масштабные скальные гробницы этрусков (VI—II вв. до н. э.) в виде дворцов, повторяющих планировку жилых домов. У этрусков гробницы располагались вне крепостных стен и складывались в улицы, образуя города мертвых. Прообразами гробниц служили конструкции этрусского дома, имитирующие жилые помещения. Найденные в гробницах на территории Италии многочисленные урны доэтрuscoго и этрусского периодов из мрамора и терракоты выполнены в виде домов [6, с. 412].

Иногда скальные гробницы имели богато декорированный фасад, например высеченные в скалах розового песчаника гробницы Петры (I в. до н. э.).

ПРАКТИКИ КОММЕМОРАЦИИ В СОЗДАНИИ КУЛЬТА ПРЕДКОВ И САКРАЛЬНЫХ МЕСТ

Культ предков в восточнославянской культуре проявился в традиции создавать дома для умерших в виде теремков, которые встречаются в курганных насыпях XI—XII веков. Как писал В.В. Седов, «для северной части дреговичской территории обычны захоронения в деревянных домовинах-теремах. Большинство этих домовин срубные, сложенные из бревен на высоту 0,3–0,8 м и покрытые двухскатной крышей» [7, с. 118].

Такие погребальные домовины-теремки зафиксированы также в курганах радимичей и других восточнославянских племен. В.В. Седов отмечал возможную связь домовин с погребальной обрядностью дославянского населения, указывая на то, что прежде эти земли были заняты балтами [7, с. 118].

Погребальные сооружения в виде домиков с окошком, в которое, как считали предки, вы-

глядывают души умерших, — отголосок языческих обрядов. В поминальный день, например на весенние и осенние Деды, через окошко просовывали угощение.

Один из немногих в Беларуси теремков находится на кладбище деревни Борки Кличевского района Могилевской области и относится к 1929 году. По мнению этнографов, на Кличевщине жили славянские племена дреговичей и сохранились традиции захоронений дохристианской культуры.

В виде бетонного небольшого домика с двухскатной крышей выполнен надгробный памятник польского поэта Францишека Карпиньского (1741–1825), расположенный на территории костела Пресвятой Троицы и монастыря миссионеров в деревне Лысково (Пружанский р-н, Брестская обл.). На стилизованном окошке — барельеф поэта и строка из его стихотворения: «*otóz moj dom uboj...*».

Многочисленные надгробные памятники, среди которых стелы, обычно прямоугольной формы, высокие и узкие, украшенные рельефами с изображениями погребенного, реже статуи, возвышались на греческих некрополях.

Погребальный культ римлян требовал сохранения памяти об умершем. Первоначально траурные сооружения в Древнем Риме «располагались за пределами городских стен, по обеим сторонам дорог, сходящихся к Риму» [8, с. 477], для напоминания живущим о подвигах предков, но с ростом территории города они входили в его пределы и оказывали влияние на облик районов. Как отмечают исследователи, «к концу республиканского периода экономический и социальный прогресс чрезвычайно повысил самосознание преуспевающего римского гражданина и его роль в обществе. Это привело к стремлению многих обеспеченных граждан увековечить себя и свою деятельность путем постройки монументальных гробниц. Юридически этому способствовали законы о незаблемой собственности граждан на свои гробницы и о неприкосновенности последних» [9, с. 644].

У римлян не было представления о гробнице как о доме умершего, вследствие чего все внимание устремлялось на оформление внешнего вида погребального сооружения. Гробницы часто украшались горельефными портретами, символическими фигурами с ге-

роизированными чертами усопшего, посвященными надписями.

Формы погребальных сооружений создавались под влиянием других культур. В эпоху правления первого римского императора Августа (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) возводится ряд пирамидообразных мавзолеев. Так, мавзолей претора Гая Цестия (18–12 гг. до н. э.) трактован в виде египетской пирамиды (более 36 м высотой) [9, с. 646]. Это объясняется всплеском египетской моды после завоевания римлянами Египта.

Попытка языком архитектурных форм и скульптуры прославить ремесло покойного и его роль в обществе проявляется в возведении гробницы булочника Эврисака (2-я пол. I в. до н. э.). Рельефные вставки, изображавшие различные этапы изготовления хлеба, раскрывали ремесло владельца гробницы [9, с. 644].

Широко распространяется ордерное оформление мавзолеев. Между ионическими колоннами возводятся мраморные статуи, они также устанавливаются на пьедесталы, венчают мавзолеи, например, мавзолей Истацидиев (Помпеи, нач. I в. н. э.), мавзолей Гая и Луция Цезарей в Глануме (нач. I в. н. э.) [9, с. 650].

Погребальные сооружения в виде храмов — распространенный эллинистический тип гробниц, восходящих к малоазийским монументу Нереид в Ксанфе и Мавзолею в Галикарнасе (IV в. до н. э.), созданных под влиянием ионических храмов афинского Акрополя [10].

Усыпальница царя Мавсола в Галикарнасе, увенчанная огромной ступенчатой пирамидой, оказала определенное влияние на мировую мемориальную архитектуру. По подобию мавзолея построены Национальный мемориал генерала Гранта в Нью-Йорке (1897), Мемориал войны в Индиане (1924), Монумент памяти в Мельбурне (1934) и др.

Прообразом мавзолея в форме ротонды послужил Пантеон (например, мавзолеи Гордианов на Пренестинской дороге и Ромула на Аппиевой дороге близ Рима, начало IV в. [9, с. 657]).

С правления Октавиана Августа устанавливается культ императора, который «к началу II в. возобладавал над культом богов» [11, с. 517]¹.

¹ «Включение в полисную жизнь (грекоязычных провинций. — О. С.) имперских культов означало не просто признание особого характера власти императора, но

Два уникальных погребальных сооружения эпохи, повлиявших на формирование столицы Римской империи, — грандиозный императорский мавзолей Августа (28 г. до н. э. — 23 г. н. э.) с колоссальной статуей императора на вершине, двумя обелисками у входа и бронзовыми досками с текстом завещания Августа, подводившим итоги его деятельности, и мавзолей Адриана (130–148 гг.), который венчал постамент, возносивший колесницу Гелиоса.

Мавзолей Августа (диаметр — 89 м, высота — 44 м) доминировал в ансамбле Марсова поля, возвышаясь «среди обширного парка на квадратной площади, ограниченной с трех сторон улицами, которые включали его в систему города» [9, с. 653].

Мавзолей Адриана (диаметр — 64 м, высота — 21 м), установленный у берега Тибра, имел доступ только со стороны Марсова поля, откуда через реку был переброшен широкий мост с золочеными статуями на парапетах. «Вход соединялся коридором с вестибюлем, в глубине которого стояла огромная статуя императора, видимая с противоположного конца моста» [9, с. 654].

Мавзолеи Самарканда — столицы империи Тамерлана и Тимуридов (1370–1499) строились как монументы, прославляющие государство и его создателей. Огромные масштабы и роскошь убранства отличают ансамбль мавзолеев Шахи Зинда, мавзолей Рухабад и фамильную усыпальницу рода тимуридов — Гур-Эмир, которая послужила прообразом мавзолеев Хумаюна (1562–1570) в Дели и Тадж-Махала (1632–1653) в Агре — памятников архитектуры эпохи Великих Моголов [13; 14].

Характер культуры увековечения в значительной степени определяется социокультурным контекстом.

Распространение христианства способствовало возникновению культа мощей святых, созданию сакральных мест почитания. В ран-

и осознание полисом его места не только в абстрактной общечеловеческой общности, но и конкретно в общности имперской, которую и олицетворял правитель единой державы; тем самым полисы оставались важнейшей, органичной частью этой державы, что было важно и для городов и для центральной власти», — подчеркивает Ю.С. Свенцикая [12, с. 247].

нехристианских храмах Рима было организовано поклонение почитаемым мощам, которые хранились под главным алтарем в крипте.

Центрами паломничества к мощам святых являлись лавры. Под лаврой (греч. *Λαύρα* — городская улица, монастырь) понимались не только монастыри, но и отдельные кварталы внутри города, в которых жили прихожане, составлявшие церковные приходы.

Одним из древнейших сакральных мест почитания в Киевской Руси была Киево-Печерская лавра (дата основания 1051 г.), в пещеры которой из Иерусалима в 1187 г. были перенесены мощи белорусской просветительницы Евфросиньи Полоцкой (ныне находятся в Спасо-Евфросиньевском монастыре в Полоцке) [15]. Рассматривая традиции захоронений в пещерах, можно провести параллели с катакомбами античного Рима, используемыми как места погребений, в том числе мучеников и жертв преследований при языческих императорах в период раннего христианства, и, безусловно, с пещерой — семейным склепом Иосифа Аримафейского, куда ученики принесли Иисуса Христа.

Для того чтобы быть ближе к священным останкам, в храмах или рядом с ними делали захоронения, создавали усыпальницы. Соборы городов становились местом памяти о святых, а также королях, знатных горожанах, свидетельствовали о значимости и могуществе города.

Собор Сен-Дени в пригороде Парижа с начала XIII в. является некрополем французских королей.

Во Флоренции храмом влиятельной семьи Медичи становится церковь Сан-Лоренцо, при которой в 1520—1535 гг. была построена Капелла Медичи (мемориальная часовня рода Медичи, скульптуры надгробия выполнены Микеланджело).

В Несвиже крипта костела Божьего Тела (расположенного рядом с Несвижским замком) начиная с 1616 г. — захоронения Николая Христофора Радзивилла Сиротки, основателя замка и фундатора костела, — стала усыпальницей рода Радзивиллов [16].

В крипте венской Капуцинкирхе, основанной в 1617 г., начиная с 1633 г. покоятся Габсбурги — императоры Священной Римской империи, Австрийской империи и Австро-Венгрии.

МОНУМЕНТ КАК АГИТАЦИОННЫЙ И МАНИПУЛЯТИВНЫЙ РЕСУРС

Мавзолеи в XIX—XXI вв. используются как агитационный и манипулятивный ресурс.

Обращение к мавзолею — популярный мотив в монументах XX в. (мавзолей Ленина в Москве, Хо Ши Мина в Ханое, Мао Цзэдуна в Пекине, Ким Ир Сена и Ким Чен Ира в Пхеньяне, Хомейни в Тегеране и др.), вызывающий споры и разногласия в современном обществе.

Вопрос о перезахоронении Ф. Франко вызвал серьезный раскол в испанском общественном мнении. Каудильо был похоронен в 1975 г. в крипте базилики, вырубленной в скале, у подножия алтаря мемориального комплекса Долина Павших, возведенного по его приказу в 1940—1958 годах. Территория комплекса занимает 1365 гектаров. На вершине скалы установлен 150-метровый крест.

На открытии мавзолея в 1940 г. Ф. Франко произнес следующую речь: «Размах нашего крестового похода, героические жертвы, которые потребовала победа, и неизмеримое значение этой эпопеи для будущего Испании не передадут простые памятники, которые обычно воздвигаются... во славу подвигов... Здешние камни не уступят величием древним мемориалам, над которыми не властно время и забвение» [цит. по: 4, с. 92].

Согласно закону «Об исторической памяти», принятому в Испании в 2007 г., в Долине Павших могут быть захоронены только погибшие в ходе испанской гражданской войны (1936—1939). После смены политического режима от диктатуры к демократии статуи Франко были снесены, а улицы переименованы. Однако мемориал оставался местом памяти о победе диктатуры каудильо. Пришедшее к власти социалистическое правительство приняло решение о перезахоронении Ф. Франко, чтобы переформатировать историческую память, переместить акценты на поминовение и почитание погибших в войне, а также жертв франкизма. Премьер-социалист Педро Санчес

высказался следующим образом: «Сегодняшняя Испания — это продукт прощения, но она не может быть продуктом забвения» [17].

Долгие общественные споры привели к тому, что в 2019 г. останки Ф. Франко были эксгумированы и перезахоронены на кладбище Мадрида. Таким образом завершился процесс критической интернализации, т. е. освоения негативной памяти о прошлом.

Создание культа личности, обожествление правителей посредством строительства мавзолеев коррелирует с триумфальной глорификацией (лат. *glorificatio* — прославление).

Агора Древней Греции обычно была заполнена скульптурами. В 480–400 гг. до н. э. в сюжетах скульптур использовались изображения не только божеств, но и доблестных граждан-атлетов — победителей состязаний [18, с. 134]. Греки устанавливали статуи в честь победителей Олимпийских игр. В стремлении приблизиться к богам они придавали спорту сакральный характер.

Агональность максимально соответствовала культуре Древней Греции, находя проявления во многих формах духовной жизни. Многочисленные хорегические монументы устанавливались на улицах городов: например, монумент Лисикрата (335–334 гг. до н. э.) в Афинах близ Акрополя в честь победы спектакля.

Глорификация как восхваление героического подвига присуща культуре Античности.

В Древней Греции приносили в дар богам колонны (например, Змеиная колонна, увенчанная треножником с золотой чашей, символизирует победу в 479 г. до н. э. греческих городов-государств над персами при Платеях).

Устанавливали статуи в честь знаменитых полководцев. Из сохранившихся письменных источников известны выполненные Фидием предположительно в 460 г. до н. э. скульптуры полководца Мильтиада, командовавшего греческой армией во время Марафонской битвы, в которой была одержана победа над персами, и десяти особо отличившихся героев [19].

Традиция возводить прижизненные статуи в честь легендарных героев сохраняется у римлян. Так, было увековечено имя Публия Горация Коклеса, который спас Рим от этрусков в 507 г. до н. э.

Во II в. до н. э. на Форуме возводили статуи и монументы, восхваляющие представителей политической элиты Рима.

В эпоху правления Константина Великого на Римском форуме в самом его большом здании — базилике Максенция и Константина — был установлен колосс императора (размер памятника примерно 12 м), а на Константинопольском форуме — 35-метровая колонна Константина (330-е гг.), которая служила постаментом для статуи императора.

Восприняв от этрусков и народов эллинизированного Ближнего Востока идею триумфальной арки и триумфальной колонны, устанавливая на площадях бронзовые конные скульптуры императоров или вывезенные из Египта обелиски, римляне «задали образец, которому последующие века следовали без колебаний» [20, с. 189].

«Памятники воздвигаются победителями и зачастую, как утверждает Вальтер Беньямин, выступают “документальным подтверждением варварства”. Например, триумфальная арка Тита на Римском форуме, породившая в XIX веке бесчисленные копии по всему миру, в том числе и в Париже, увековечивала победу над Иерусалимом в 72 году нашей эры» [цит. по: 4, с. 89]. Рельеф триумфальной римской колонны Траяна (113 г. н. э.) повествует о завоевании Дакии. «Последний из императорских форумов — форум Марка Ульпия Траяна — грандиозностью и блеском превзошел все построенные прежде... Единоличная императорская власть стала общепризнанным фактом, и ансамбль прославлял не только могущество государства, но и открыто возвеличивал личность императора — завоевателя Дакии» [11, с. 515]. Статуя Траяна являлась доминантой форума. «Ставшая безраздельной императорская власть не нуждалась более в покровительстве богов <...> Обожествленный император вытеснил божество не только с форума, но и из храма» [11, с. 517].

В средневековых городах Центральной Европы идея триумфальной колонны была интерпретирована в декорированный Марианский столб, который знаменовал избавление от чумы.

В средневековой Европе и на Руси существовала традиция установки на перекрест-

ках дорог памятных или поклонных крестов, которые символизировали избавление от каких-либо бедствий; они выполняли одновременно культовую и мемориальную функции. Эта традиция пошла от языческого обычая создания мемориальных памятников в виде придорожных столбов с изображением божеств [21]. На территории Беларуси распространение получили кресты, высеченные на камнях у дорог и найденные посередине рек (Борисовы камни, Рогволодов камень), ими украшались надгробные камни, становившиеся памятниками.

В Византии память об императорах как священных особах, наместниках Бога на земле, запечатлевалась в мозаиках храмов, например, изображения Юстиниана со свитой и его супруги Феодоры со свитой (церковь Сан-Витале, Равенна, 546–548 гг.). Византийское монументальное искусство воплотилось в мозаиках Святой Софии (Константинополь), сохранивших изображения святителей и императоров: император Лев VI преклоняет колени перед Иисусом Христом (886–912), портрет императора Александра (912), императоры, приносящие дары Богородице: Константин дарит город Константинополь, Юстиниан — собор Святой Софии (2-я половина X в.).

Прообразом конных статуй послужила бронзовая статуя римского императора Марка Аврелия, установленная на площади Капитолия в Риме (II в. н. э.). Первый гражданский монумент эпохи Возрождения — конная статуя кондотьера Гаттамелаты (1453 г., Падуа). Капитан-генерал, предводитель наемных войск Венецианской республики, наследник истории и славы Древнего Рима, был увековечен по постановлению Сената. В 1475 г. в Венеции в центре площади Санти-Джованни э Паоло по условию завещания и на оставленные им средства была установлена конная статуя главнокомандующего войсками Венецианской республики Бартоломео Коллеони. Подобные памятники в XVIII–XXI вв., как правило, посвящены властителям и полководцам.

Первая конная статуя на территории Северо-Западного края — статуя польского и французского военачальника Юзефа Понятовского была установлена возле дворца И.Ф. Паскевича в Гомеле (1840-е — 1922 г.). С 1965 г. па-

мятник находится перед дворцом Радзивиллов (президентской резиденцией) в Варшаве. (По итогам советско-польской войны 1919–1920 гг. одним из условий подписания Рижского мирного договора было возвращение памятника в Польшу.)

Пример обожествления увековеченных в камне вождей в XX в. — голова В.И. Ленина высотой 7,7 м (постамент — 6,3 м) на главной площади Улан-Удэ (памятник вошел в Книгу рекордов России как самое большое изваяние головы В.И. Ленина в мире); в начале XXI в. — гигантская 6-метровая бронзовая статуя Саддама Хусейна на 8-метровом постаменте в центре Багдада, установленная в честь 65-летия иракского президента (простояла с 2002 по 2003 г.).

Наивысшая степень глорификации — именование города в честь знаковой личности (императоров и царей: Рим (753 г. до н. э.), Константинополь (330), Александрия (332); князей: Заславль (985), Владимир (990), Ярославль (1010), Борисов (1102), Мстиславль (1135); президентов: Вашингтон (1790), Нур-Султан (2019) и т. д.).

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО

В XIX в. на основе осознания национальной монолитности, общности самопонимания и самоидентификации, формирования социальных связей повсеместно создаются национально значимые монументы, открываются музеи национальной памяти, «призванные подчеркнуть величие национальной истории, разрабатывающие соответствующий пантеон героев и культурных деятелей» [22, с. 92].

Национальная идентичность порождает практики увековечения памяти о значимом для нации общественном деятеле, герое и т. п. Формируется нациосфера [23], в которой объективируются национальная идея, национализация прошлого и выбор нациоформирующих приоритетов его толкования.

В эпоху наций память превращается в идеологическое средство формирования новой идентичности, идентификации субъекта с нацией, а памятник представляет собой универ-

сальную форму воплощения и трансляции национальной идеи.

В XX в. после окончания кровопролитной Первой мировой войны зарождается традиция, по которой нации и государства устанавливают памятники неизвестному солдату. Часто они входят в расположенный в центре столицы мемориальный комплекс, символизирующий значимые ценности нации, как, например, монумент Витториано в Риме, Колонна Конгресса в Брюсселе, Национальный памятник на Виткове в Праге, Могила Неизвестного солдата в Афинах и др.

Как отмечает Н.К. Колягина, исследующая российские мемориалы, «если обратиться к содержательной стороне созданных в 2011–2012 годах памятников, можно заметить, что большинство из них является “национальными монументами”... Это подразумевает истолкование истории в героическом ключе, преимущественное создание парадных интерпретаций прошлого, крайне редкое упоминание трагических сторон даже в широко известных и прославляемых событиях и явлениях (Великая Отечественная война, космонавтика, индустриализация и т. д.)» [22, с. 92–93].

Посредством формирования мест памяти задаются пространственные координаты идентичности. Символический акт национализации социального пространства, его условного присвоения — установка памятника русскому мореплавателю Фаддею Беллинсгаузену на российской антарктической станции на берегу острова Кинг-Джордж (обозначенного на российских картах как остров Ватерлоо) в начале 2020 г. к 200-летию открытия Антарктиды. Неурегулированность территориальных претензий в Антарктике порождает многие проблемы, в том числе и в топонимии: на иностранных картах российские географические названия указываются в скобках либо не обозначаются вообще.

Механизмы увековечения обусловлены жизненным циклом практик коммеморации и мест памяти. Дж. Уинтер и Ф.В. Николаи [24] выделяют следующие его фазы: креативная (создание мест памяти ради конкретных целей поминовения), период институционализации (фиксация в календаре и привязывание к конкретным местам) и рутинизации (повсе-

местное распространение и превращение в традицию), стирание значимости.

Культура памяти регулируется посредством идеологической индоктринации, неотъемлемой частью которой является культура забывания.

Идеологическая индоктринация общества в сфере культурной памяти — целенаправленное распространение какой-либо политической идеи (идеологии) в форме системы убеждений, образов, установок, ценностей, стереотипов, для выработки определенного общественного сознания, в том числе с помощью памятников. Это касается исторических событий и процессов, «по которым в обществе нет консенсуса, которые являются предметом дискуссий» [25, с. 18].

А. Миллер полагает, что забывание может быть «вытесняющим» («когда общество не касается определенных, чаще всего недавних, событий как особенно болезненных и конфликтных»), «отрицающим» («когда ключевые общественные силы избегают признания и обсуждения определенных постыдных или преступных событий прошлого») и «понимающим» («когда фокус общественного внимания смещается в сторону от какого-либо события или процесса *после* того, как предприняты усилия по обсуждению, в том числе обсуждению вины и ответственности») [25, с. 14–15].

Современные политические режимы при помощи создания памятных мест и возведения памятников устанавливают нормы взаимоотношений массового сознания и государственной идеологии, осуществляют презентацию нации как внутри страны, так и за ее пределами. Утверждаются концепции нации, которые соответствуют государственной идеологии. В то же время общественная сфера становится плюралистической, власть уже не может претендовать на контроль над ней.

Перезахоронение осенью 2019 г. национального героя Беларуси Кастуся Калиновского и участников Польского восстания 1863–1864 гг., останки которых были найдены в 2017 г. при раскопках на горе Гедимины в Вильнюсе, вызвало широкий общественный резонанс. Обращение представителей белорусской интеллигенции с открытым письмом к руководству Литвы с просьбой о перезахоронении останков К. Калиновского на территории

Беларуси не было удовлетворено. Останки повстанцев поместили в центральной часовне на кладбище Расу, одном из наиболее значимых в историко-культурном отношении для белорусов некрополе Литвы. Однако белорусская общественность добилась того, чтобы на каждой могильной плите помимо надписей по-литовски и по-польски были сделаны надписи и на белорусском языке. Торжественную церемонию общественного прощания в Вильнюсе посетило большое количество белорусских историков, политиков и др.

Забывание сменяется критической интерпретацией. Включение негативной памяти о прошлом в современный контекст все чаще актуализируется в постсоветских странах. Например, в Киргизии недалеко от Бишкека создан пантеон «Ата-Бейит» («Могила отцов») в память о национальных трагедиях. Мемориал посвящен жертвам советских репрессий 1937–1938 гг. — представителям национальной элиты, в числе которых был отец писателя Ч. Айтматова Торекул Айтматов. В 2008 г. здесь похоронен сам писатель, в 2010 г. — участники Апрельской революции, в 2013 г. — открыт памятник Ч. Айтматову, а в 2016 г. установлен памятник жертвам народного восстания 1916 г. [26].

Наряду с масштабными мемориальными сооружениями в XX — начале XXI в. распространение получила городская скульптура, которая создается в том числе в целях эстетизации пространства. Это лишённые помпезности фигуры в натуральную величину, без пьедесталов, стоящие на плитах маленькой площади (например, Чарли Чаплин на Лестер-сквер в Лондоне) или сидящие на скамье, как Пабло Пикассо у Национальной библиотеки Беларуси в квартале новостроек «Маяк Минска». Приобщение к ценностям общемировой культуры проявляется и в городской топонимике. Например, одна из улиц Минска в микрорайоне Новая Боровая носит имя Леонардо да Винчи.

В систему государственной политики памяти интегрируется празднование юбилеев и памятных дат. Современной тенденцией становятся поиск захоронений и антропологическая реконструкция с помощью технологий компьютерного моделирования облика знаковых для истории и культуры личностей. Например,

в 2003 г. поиск пропавшей могилы Николая Коперника стал главным событием программы празднования 530-летия великого астронома. В 2005 г. к 200-летию смерти Шиллера ученые эксгумировали его останки и по черепу восстановили портрет поэта. В 2015–2016 гг. к 400-летию выхода второй части романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» и 400-летию со дня смерти Сервантеса в склепе монастыря ордена Пресвятой Троицы в Мадриде были найдены останки писателя.

Таким образом, ряд факторов, оказавших значимое влияние на процесс развития культуры коммеморации, формировался на протяжении истории человечества. Стремление к бессмертию и идея вечной славы, зародившиеся в культуре древних цивилизаций, интерпретированы в последующие эпохи в многочисленных монументальных формах, способствуя закреплению социальных связей и формированию идентификации. Создание в городах мест памяти, в том числе сакральных мест почитания, детерминировано культом предков, корреляцией культа личности с триумфальной глорификацией и служит агитационным и манипулятивным ресурсом. Возведение памятников наполняет городскую среду символическим смыслом, выстраивая социально и эстетически осмысленное пространство.

Анализ социокультурных детерминант эволюции коммеморативных практик позволяет сделать вывод о том, что развитие культуры увековечения обусловлено социально-политическими и духовными факторами общественной жизни и что ведущую роль в этом процессе играют религиозные традиции и государственная идеология, во многом определяющие особенности содержания этой культуры. Духовно-нравственные детерминанты реализуются через аксиологическую систему духовной культуры, приоритетом которой являются патриотические ценности.

Исторический опыт свидетельствует, что государства, достигавшие высоких вершин культурного развития, на определенных исторических этапах обращались к идеям имперской общности; объединяющим, основанным на духовных ценностях национальным концептам.

Список источников

1. *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения : пер. с англ. Москва : Ладомир, 1999. 488 с.
2. *Элиаде М.* Гильгамеш в поисках бессмертия // История веры и религиозных идей : [трилогия]. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий : [пер. с фр.]. 2-е изд., испр. Москва : Критерион, 2002. С. 75–78.
3. *Басс В.Г.* Монумент: who controls the past? Об одном механизме архитектурной коммеморации // Социология власти. 2017. Т. 29. № 1. С. 122–155.
4. *Уилкинсон Т.* Люди и кирпичи. 10 архитектурных сооружений, которые изменили мир : пер. с англ. Москва : Альпина Нон-фикшн, 2015. 328 с.
5. *Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. Москва : Мир-медиа, 2001. 246 с.
6. *Кауфман С.А., Розентуллер П.Б.* Погребальные сооружения // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В.Ф. Маркузона (отв. ред.) [и др.]. [2-е изд., испр. и доп.]. [Москва] : Стройиздат, 1973. Ч. 2. Архитектура Древнего Рима. Гл. 1. Этрусская архитектура. С. 404–413.
7. *Седов В.В.* Дреговичи // Восточные славяне в VI–XIII вв. Москва : Наука, 1982. С. 113–119. (Археология СССР).
8. *Михайлова М.Б.* Погребальные сооружения // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В.Ф. Маркузона (отв. ред.) [и др.]. [2-е изд., испр. и доп.]. [Москва] : Стройиздат, 1973. Ч. 2. Архитектура Древнего Рима. Гл. 2. Архитектура Римской республики. С. 477–478.
9. *Михайлова М.Б.* Погребальные сооружения // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В.Ф. Маркузона (отв. ред.) [и др.]. [2-е изд., испр. и доп.]. [Москва] : Стройиздат, 1973. Ч. 2. Архитектура Древнего Рима. Гл. 3. Архитектура Римской империи. С. 643–661.
10. *Маркузон В.Ф.* Сооружения Малой Азии // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В.Ф. Маркузона (отв. ред.) [и др.]. [2-е изд., испр. и доп.]. [Москва] : Стройиздат, 1973. Ч. 1. Архитектура Древней Греции. Гл. 4. Архитектура IV в. до н. э. (400–323 гг. до н. э.). С. 283–290.
11. *Михайлова М.Б.* Форумы // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура антично-го мира (Греция и Рим) / под ред. В.Ф. Маркузона (отв. ред.) [и др.]. [2-е изд., испр. и доп.]. [Москва] : Стройиздат, 1973. Ч. 2. Архитектура Древнего Рима. Гл. 3. Архитектура Римской империи. С. 510–522.
12. *Свеницкая Ю.С.* Культ императора в Римской державе: от персонального обожествления к формальному культу носителя власти // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Москва : Институт Африки : Центр цивилизационных и региональных исследований, 2005. С. 237–254. (Цивилизационное измерение ; т. 12).
13. *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века / Ин-т искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи М-ва культуры УзССР. [Москва : Искусство, 1965]. 688 с.
14. *Тонди Ахмад.* Архитектурный декор Средней Азии эпохи Тимуридов : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04. Москва, 2003. 205 с.
15. *Святые мощи Евфросинии Полоцкой* // Монастырь у церкви Спаса : сайт Полоцкого Свято-Евфросиниевского монастыря. URL: http://spas-monastery.by/shrines_of_the_monastery/holy_relics/ (дата обращения: 23.10.2020).
16. *Лабаденка Г.* История костела // Приход «Божьего Тела» в г. Несвиже : [сайт]. URL: <http://niasvzh-kasciol.by/index.php/istoriya> (дата обращения: 23.10.2020).
17. *Колесников А.* Невыносимый Франко: война памяти продолжается // Московский центр Карнеги : [сайт]. URL: <https://carnegie.ru/2019/10/29/ru-pub-80208> (дата обращения: 23.10.2020).
18. *Маркузон В.Ф.* Греция (480–400 гг. до н. э.) // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В.Ф. Маркузона (отв. ред.) [и др.]. [2-е изд., испр. и доп.]. [Москва] : Стройиздат, 1973. Ч. 1. Архитектура Древней Греции. Гл. 3. Архитектура эпохи расцвета (480–400 гг. до н. э.). С. 131–135.
19. *Парч С.* Домашний музей / пер. с нем. Н. Матюхиной. Москва : Терра, 1999. 368 с. // КулЛиб : [электронная библиотека]. URL: <https://coollib.com/b/289263/read> (дата обращения: 23.10.2020).
20. *Глазычев В.Л.* Монументы // Урбанистика. Москва : Европа, 2008. С. 189–204.
21. *Другомиллов Р.А.* Второй период – IX–XIII вв. Территория Беларуси в составе западных зе-

- мель Древнерусского государства и во времена феодальной раздробленности // Благоустройство территорий. Историческое развитие архитектурного благоустройства сельских поселений Беларуси : пособие. Горки : Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, 2017. С. 10–12.
22. Колягина Н.К. Бюрократы, патриоты, аутсайдеры: стратегии взаимодействия с новыми российскими памятниками // Историческая разметка пространства и времени : материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. / под ред. И.И. Куриллы. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2014. С. 89–112. (Волгоградский исторический семинар ; вып. 5).
23. Тимофеев М.Ю. Нациосфера: опыт анализа семиосферы наций. Иваново : Ивановский государственный университет, 2005. 277 с.
24. Уинтер Д., Николаи Ф.В. Места памяти и тени войны // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2 (14). URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/163/164#> (дата обращения: 23.10.2020).
25. Миллер А., Касьянов Г. Россия: власть и история // Россия — Украина: как пишется история : диалоги, лекции, статьи. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. С. 12–38.
26. Пырлік Г. «Магіла бацькоў». Як Кыргызстан сабраў у адным месцы памяць пра нацыянальны трагедыі цэлага стагоддзя // Наша гісторыя. 2020. № 4 (21). С. 47–49. Беларус. яз.

Formation and Development Determinants of the City Commemorative Culture

Olga M. Sokolova

Belarusian State University of Culture and Arts, 17, Rabkorovskaya Str., Minsk, 220007, Belarus
ORCID 0000-0002-5213-8410; SPIN 8654-1452
E-mail: beatles12@mail.ru

Abstract. *Based on historical-genetic and comparative research methods, the article reveals the determinants of formation and development of the city commemorative culture. This issue is relevant because of the increasing influence of the memory of the past on modern sociocultural processes. The scientific novelty of the article lies in the study of poorly studied issues of the impact of commemorative culture on the development of culture in general; the opportunities of regulating the nature and distribution of memorial forms; the factors determining the formation of the city commemorative culture in the context of the historical and sociocultural dynamics of applicable societies of the civilizations of the past and present. The article uses an integrated approach, which determines the interdisciplinary nature of scientific research, allowing analyzing the aspects of the ori-*

gin, interpretation of the features of the history and existence of monuments in different cultures. There are provided examples of commemoration practices in the post-Soviet countries, including the Republic of Belarus. The article concludes that the content of commemorative culture is determined primarily by religious traditions and state priorities. The creation of monuments and places of memory is used as an agitation and manipulative resource making an emotional impact; as an ideological tool shaping the perception of history in accordance with the state ideology. Commemorative practices take on special significance during the formation of nations, influencing the subject's identification with the nation, and the awareness of national solidity. In this case, the monument represents a universal form of embodying and conveying the national idea.

Key words: commemoration, commemorative culture, monument, memorial, monumental form, funeral cult, perpetuation traditions, commemoration determinants, post-Soviet space, Belarus, theory and history of culture, cultural studies.

Citation: Sokolova O.M. Formation and Development Determinants of the City Commemorative Culture, *Observatory of Culture*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 127–139. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-2-127-139.

References

1. Eliade M. *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Patterns in Comparative Religion]. Moscow, Ladomir Publ., 1999, 488 p.
2. Eliade M. Gilgamesh in Search for Immortality, *Istoriya very i religioznykh idei. T. 1. Ot kamenogo veka do elevsinskih misterii* [History of Religious Beliefs and Ideas. Vol. 1. From the Stone Age to the Mysteries of Eleusis]. Moscow, Kriterion Publ., 2002, pp. 75–78 (in Russ.).
3. Bass V.G. The Monument: Who Controls the Past? On a Special Commemoration Mechanism, *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2017, vol. 29, no. 1, pp. 122–155 (in Russ.).
4. Wilkinson T. *Bricks and Mortals. The Story of Our Lives in Ten Buildings*. Moscow, Al'pina Non-Fikshn Publ., 2015, 328 p. (in Russ.).
5. Sarianidi V.I. *Nekropol' Gonura i iranskoe yazychestvo* [Gonur Necropolis and Iranian Paganism]. Moscow, Mir-Media Publ., 2001, 246 p.
6. Kaufman S.A., Rozentuller P.B. Funerary Structures, *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t. T. 2. Arkhitektura antichnogo mira (Gretsiya i Rim)* [General History of Architecture: in 12 volumes. Volume 2. The Architecture of the Ancient World (Greece and Rome)], Stroiizdat Publ., 1973, part 2, pp. 404–413 (in Russ.).
7. Sedov V.V. Dregoviches, *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.* [Eastern Slavs in the 6th–13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 113–119 (in Russ.).
8. Mikhailova M.B. Funerary Structures, *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t. T. 2. Arkhitektura antichnogo mira (Gretsiya i Rim)* [General History of Architecture: in 12 volumes. Volume 2. The Architecture of the Ancient World (Greece and Rome)], Stroiizdat Publ., 1973, part 2, pp. 477–478 (in Russ.).
9. Mikhailova M.B. Funerary Structures, *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t. T. 2. Arkhitektura antichnogo mira (Gretsiya i Rim)* [General History of Architecture: in 12 volumes. Volume 2. The Architecture of the Ancient World (Greece and Rome)], Stroiizdat Publ., 1973, part 2, pp. 643–661 (in Russ.).
10. Markuzon V.F. Asia Minor Structures, *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t. T. 2. Arkhitektura antichnogo mira (Gretsiya i Rim)* [General History of Architecture: in 12 volumes. Volume 2. The Architecture of the Ancient World (Greece and Rome)], Stroiizdat Publ., 1973, part 1, pp. 283–290 (in Russ.).
11. Mikhailova M.B. Forums, *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t. T. 2. Arkhitektura antichnogo mira (Gretsiya i Rim)* [General History of Architecture: in 12 volumes. Volume 2. The Architecture of the Ancient World (Greece and Rome)], Stroiizdat Publ., 1973, part 2, pp. 510–522 (in Russ.).
12. Svetsitskaya Yu.S. The Emperor Cult in the Roman Empire: From the Personal Deification to the Formal Cult of the Bearer of Power, *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsii* [Sacralisation of Power in the History of Civilizations]. Moscow, Institut Afriki: Tsentr Tsivilizatsionnykh i Regional'nykh Issledovaniy Publ., 2005, pp. 237–254 (in Russ.).
13. Pugachenkova G.A., Rempel L.I. *Istoriya iskusstv Uzbekistana s drevneishikh vremen do serediny devyadtsatogo veka* [The History of Art of Uzbekistan from Ancient Times to the Mid-Nineteenth Century], 688 p.
14. Tondi Akhmad. *Arkhitekturnyi dekor Srednei Azii epokhi Timuridov* [Architectural Decor of Central Asia of the Timurid Era], cand. art. diss.: 17.00.04. Moscow, 2003, 205 p.
15. The Holy Relics of Euphrosyne of Polotsk, *Monastyr' u tserkvi Spasa: sait Polotskogo Svyato-Evfrosinievskogo monastyrya* [A Monastery at the Church of the Savior: website of the Polotsk St. Euphrosyne Monastery]. Available at: http://spas-monastery.by/shrines_of_the_monastery/holy_relics/ (accessed 23.10.2020) (in Russ.).
16. Labadenka G. History of the Church, *Priklad "Bozh'ego Tela" v g. Nesvizhe* [Parish of "Corpus Christi" in Niasvizh]. Available at: <http://niasvizh-kasciol.by/index.php/istoriya> (accessed 23.10.2020) (in Russ.).
17. Kolesnikov A. Unbearable Franco: The War of Memory Continues, *Moskovskii tsentr Karnegi* [Carnegie Moscow Center]. Available at: <https://carnegie.ru/2019/10/29/ru-pub-80208> (accessed 23.10.2020) (in Russ.).
18. Markuzon V.F. Greece (480–400 BC), *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t. T. 2. Arkhitektura antichnogo mira (Gretsiya i Rim)* [General History of Architecture: in 12 volumes. Volume 2. The Architecture of the Ancient World (Greece and Rome)], Stroiizdat Publ., 1973, part 1, pp. 131–135 (in Russ.).
19. Partsch S. *Domashnii muzei* [Home Museum]. Moscow, Terra Publ., 1999, 368 p. Available at: <https://>

- coollib.com/b/289263/read (accessed 23.10.2020).
20. Glazychev V.L. Monuments, *Urbanistika* [Urbanistics]. Moscow, Evropa Publ., 2008, pp. 189–204 (in Russ.).
 21. Drugomilov R.A. The Second Period – 9th–13th Centuries. The Territory of Belarus as Part of the Western Lands of the Old Russian State and during the Feudal Fragmentation, *Blagoustroistvo territorii. Istoricheskoe razvitie arkhitekturnogo blagoustroistva sel'skikh poselenii Belarusi: posobie* [Landscaping. The Historical Development of Architectural Improvement of Rural Settlements of Belarus: tutorial]. Gorki, Belorusskaya Gosudarstvennaya Sel'skokhozyaistvennaya Akademiya Publ., 2017, pp. 10–12 (in Russ.).
 22. Kolyagina N.K. Bureaucrats, Patriots, Outsiders: Strategies for Interacting with New Russian Monuments, *Istoricheskaya razmetka prostranstva i vremeni: materialy seminara, provedennogo Volgogradskim gosudarstvennym universitetom pri podderzhke Fonda F. Eberta 13 maya 2014 g.* [Historical Marking of Space and Time: Proceedings of the Seminar Held by the Volgograd State University with the Support of the F. Ebert Foundation on May 13, 2014]. Volgograd, Volgogradskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 2014, pp. 89–112 (in Russ.).
 23. Timofeev M.Yu. *Natsiosfera: opyt analiza semiosfery natsii* [Nationsphere: An Experience in Analyzing the Semiosphere of Nations]. Ivanovo, Ivanovskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 2005, 277 p.
 24. Winter J., Nicolai F.V. Places of Memory and the Shadow of War, *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], 2016, no. 1–2 (14). Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/163/164#> (accessed 23.10.2020) (in Russ.).
 25. Miller A., Kasyanov G. Russia: Power and History, *Rossiya – Ukraina: kak pishetsya istoriya: dialogi, lektsii, stat'i* [Russia – Ukraine: How History is Written: Dialogues, Lectures, Articles]. Moscow, Rossiiskii Gosudarstvennyi Gumanitarnyi Universitet Publ., 2011, pp. 12–38 (in Russ.).
 26. Pyrlik G. “Parents’ Tomb”. How Kyrgyzstan Gathered in One Place the Memory of National Tragedies of a Century, *Nasha gistoryya* [Our History], 2020, no. 4 (21), pp. 47–49 (in Bel.).

НОВИНКА

Реставрация документа: консерватизм и инновации = Document Restoration: Conservatism and Innovation : сборник статей / М-во культуры РФ, Российская гос. б-ка ; [сост. А. А. Кашцев]. Москва : Пашков дом, 2019. 155 с. : ил. Тит. л. парал. рус., англ.

Сборник содержит материалы Международного научно-практического семинара «Реставрация документа: консерватизм и инновации», ежегодно проводимого в Российской государственной библиотеке. Основной задачей семинара является повышение профессиональных знаний реставраторов и хранителей библиотечных, архивных и музейных фондов, способных при необходимости в дальнейшем передавать приобретенные на практических занятиях семинара навыки и знания.

В сборник вошли статьи, в которых представлены результаты научной и практической работы реставраторов, специалистов по превентивной консервации и исследователей материальной основы документа.

Материалы семинара могут быть интересны реставраторам, исследователям, хранителям библиотечных, архивных и музейных фондов, широкому кругу читателей.

Справки и приобретение:

Российская государственная библиотека,

Издательство «Пашков дом»

119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5

Тел.: +7 (495) 697-59-53, +7 (499) 557-04-70, доб. 26-46

E-mail: Pashkov_Dom@rsl.ru, sale.pashkov_dom@rsl.ru

Книжные магазины РГБ: главное здание, 1-й и 3-й подъезды